

ИЭН СЕНТ-МАРТИН

ПРИЗРАК_НУЦЕРИИ

НАШ КАНАЛ TELEGRAM: @GUILDWH40K

Данный материал является интеллектуальной собственностью telegram-канала

Гильдии Переводчиков

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода.

ПРИЗРАК НУЦЕРИИ

ИЭН СЕНТ-МАРТИН

Джохура проснулся — если, конечно, недолгое забытье усталого и продрогшего тела вообще можно было назвать сном. В нос ему ударил запах пепла и застарелого пота, во рту ощущался медный привкус крови, притупленный сильным холодом. Как только Джохура окончательно пришёл в себя, то ощутил приступ клаустрофобии, которая заставила его вылезти из круга спавших вповалку в темноте пещеры братьев и сестер. Подъём был медленным и мучительным.

Бывшим гладиаторам приходилось всё время жаться друг к другу, чтобы согреться, поэтому они никогда толком не спали: ты либо лежал на самом краю, наполовину замерзший, либо боролся за то, чтобы добраться до теплового центра группы, либо пытался там удержаться. Джохура побывал во всех трех точках, никогда полностью не засыпая и, как следствие, не высыпаясь. Впрочем, учитывая их положение, он был благодарен за каждую минуту отдыха, что удавалось урвать. Хозяин уже забрал половину из них, но скалы Де'шеа быстро покрывались новыми трупами.

Филаэт неподвижно сидел на краю группы спящих, обхватив себя руками в тщетной попытке согреться. Джохура, опустившись на колени рядом со своим другом, на мгновение закрыл глаза. Каждый день просыпалось все меньше братьев и сестёр. После того как они вырвались из ям и устроили безумную и радостную резню, бывшие гладиаторы видели лишь холод, голод и боль. Вчерашние рабы нанесли Высоким Всадникам глубокую рану, которую те еще не скоро забудут, но после сожжения Хозяина каждое сражение обходилось очень дорого.

Восставшие все еще держались благодаря узам братства. Горячие пески связали их сильнее, чем любое железо. Высоким Всадникам быстро стало не до смеха: их армии одна за другой были разгромлены, а города сожжены. Но Джохура знал, что приближался последний день, и даже Пожиратель Городов не в силах это изменить...

При мысли о нем Джохура вгляделся во тьму пещеры. Цепи, обмотанные вокруг рук, за ночь примерзли к коже. Он попытался осторожным движением освободить запястья. Взглянув в сторону выхода, мужчина увидел там фигуру, которая укрывалась в пещере от завывающего ветра и жгучего снега снаружи. Но это был не предводитель гладиаторов, не тот жестокий великан, который истекал кровью вместе с ними, не тот, чья веревка¹ была сплошь алой, без промежутков...

— Клестер! — хриплым голосом позвал Джохура.

Девушка повернулась, чтобы посмотреть на воина. Звякнула цепь, которая приковывала обрубок ее правой ноги к шипованному корпусу визжащего копыя². Клинок все еще покрывала темная кровь врагов, но Клестер совсем не заботилась о том, чтобы очищать от нее оружие.

---

¹ Вережка — цепь шрамов, отмечающая победы и поражения гладиатора на Нуцерии.

² Shriekspear.

— Джохура, — отозвалась воительница, постукивая кончиками пальцев по своему копыю. Холод и голод истощили ее, как и всех остальных, но пламя охоты все еще пылало в глазах девушки.

— Где он сейчас? — спросил мужчина, подходя к ней и выглядывая из пещеры. — Где же Ангрон?

— Он охотится.

* * *

Никто не мог видеть дальше и лучше него. Своим обострённым зрением он заметил, как один из воинов пробирается сквозь снежную бурю к утесам, расположенным около русла реки, где свежий снег спрятал только что пролитую кровь. Одинокая фигура на серебряных лозах³, скрывающих ноги, скользила сквозь бурю, словно механическое морское чудовище, парящее над землей.

В измученном сознании Ангрона всплыло ненавистное название, и в тот же момент его голову пронзила острая боль — это имплантаты наказывали воина за бездействие.

*Родовая гвардия*⁴.

Они были ударной силой армии Высоких Всадников, оружием, благодаря которому тем удавалось попить своими ногами всю Нуцерию. Серебряные лозы являлись для родовой гвардии всем: транспортом, доспехами, оружием. Ангрон видел, как их использовали в качестве укрытия, наматывая вокруг тел, чтобы защититься от ветра и снега. Видел, как из них делали мосты, чтобы пройти через пропасти. Ими же валили бойца ямы на четвереньки, они же принимали на себя удар топора берсеркера, не ломаясь при этом. Они были грозным, мощным и универсальным оружием, но использовавший их воин все еще оставался простым человеком.

Люди истекают кровью. Люди умирают.

Завывание бури заглушало звук шагов Ангрона, а следы быстро исчезали под снегом. Гвардеец замедлил шаг. Ангрон приблизился на расстояние прыжка, и каждый его мускул напрягся, словно пружина, взывая о насилии. Неподвижно, как мертвец, бывший раб Нуцерии наблюдал за тем, как замирали серебряные лозы.

На горячих песках была честь. Там жило благородство, там рабов связывало боевое братство, даже несмотря на то, что они проводили свои короткие жизни, истекая кровью и убивая друг друга. Гладиаторы возносили салюты и приветствовали смерть радостными криками. Ты мог показать им свою победную веревку, а они в ответ обнажали свою, и вы спорили, кто после вашего боя друг с другом нанесет себе новую красную полосу.

Освободившись от цепей, здесь, в большом мире, Ангрон сражался совсем по-другому. Ибо не существовало братства между господином и рабом, между тираном и мятежником. Между ними была только ненависть, пролитая кровь товарищей и жажда мести. Мечта о мести длиною в жизнь, проведенную в ямах.

К чести гвардейца, тот успел быстро отреагировать, когда Ангрон, беззвучно вынырнув из завесы кружащегося снега, нанес свой удар. Часть серебряных лоз тут же попыталась защитить своего хозяина от атаки, окутав его тело, а остальные устремились к конечностям и горлу Ангрона. Но они хватали только воздух.

Ангрон был слишком быстр и силен. Клацающие механические щупальца, пытавшиеся хлестать и колоть всё, до чего могли дотянуться, не могли отвлечь бывшего

³ Silver vines (серебряные лозы, серебряные нити) — мономолекулярное оружие времен ТЭТ.

⁴ Kin-guard.

гладиатора. Даже серебряные нити не выдержали ярости воина, когда тот нанес свой удар: топор, перерубив их, погрузился по самую рукоять в бедро гвардейца, почти отсекая ногу. Смертоносный танец послушных нитей сменился судорожными спазмами, но их убийственная мощь никуда не ушла, хотя их хозяин и умирал.

Вырвав топор из тела, Ангрон выпустил на снег поток темной крови, но алые лужи быстро скрылись в клубящихся завитках пара. Ударом ноги он опрокинул нуцерийца на спину, и тому оставалось лишь беспомощно смотреть на своего победителя.

Ангрон сплюнул в снег сгусток крови и опустил на корточки рядом с гвардейцем. Гвозди превращали его кровь в кислоту, которая сжигала его изнутри: сегодня он дал им слишком мало насилия. Ангрон наклонился ниже и разорвал руками серебряные лозы, покрывавшие лицо нуцерийца. То, что обнаружилось под ними, заставило бывшего раба зарычать от отвращения.

Гвардеец был еще совсем молод. Скорее всего, он воевал во имя Высоких Всадников не более одного лета. Ангрон же непрерывно сражался с тех самых пор, когда его заманили в ловушку, схватили и продали в рабство те самые люди, чей образ жизни защищал этот юноша.

— Я ожидал большего, — прошептал он, и, несмотря на всю гортанную грубость, его голос был мягким. — В те времена, когда я рос в подземельях, мне казалось, что вы боги, которые формируют жизни и судьбы тех, кто живет в цепях. А потом я разрушил ваши ворота, и что же скрывалось за ними? Люди. Слабые маленькие человечки с кожей не прочнее бумаги. Которые сделали *это*, — он ткнул пальцем в свои Гвозди, — со мной.

Ангрон провел грязным пальцем по черепу юноши, усмехнувшись, когда нуцериец вскрикнул от его прикосновения.

— Но ведь богов не существует. Ничто не удержит меня от возмездия, и ничто не спасет тебя от него. — Он наклонился так низко, что вырывающееся из его ноздрей дыхание заставило человека под ним вжаться в снег. — Освободи там побольше места! Ведь в какую бы темноту я тебя ни послал, скоро к тебе присоединятся и все твои хозяева.

Юноша закричал, и Ангрон одним резким движением свернул ему шею, оборвав крик. Затем он поднялся на ноги. Обернувшись на свист разрезающих воздух клинков, Ангрон увидел Клестер, которая приближалась к нему на своем визжащем копье. Девушка летела в его сторону, ухватившись одной рукой за двухметровый лонжерон из закаленного металла и его бронированный антигравитационный генератор. Ангрон наблюдал, как она управляла своим копьем, используя различные сочетания движений рук, свободной ноги и даже адаматиевой цепи, которая соединяла оружие с обрубком другой ноги. При виде девушки лицо предводителя гладиаторов расплылось в улыбке и стальные заглушки, заменявшие ему зубы, сверкнули в безгубой пасти. Как же мастерски Клестер владела этим копьем! Она убивала им с завораживающей жестокостью! Сестра уже позаботилась о том, чтобы их бывшие хозяева прокляли тот день, когда они навсегда приковали ее ногу к оружию.

Отключив антигравитационный блок копья и крутанув последнее так, что острие вошло в снег, Клестер прыгнула на землю рядом с Ангроном. Она взглянула вниз, на нуцерийского гвардейца, и сплюнула кровь в его сторону. Затем девушка посмотрела на Ангрона и увидела, что тот держит в своих обмороженных руках отрубленную голову мужчины.

— Разведчик?

Ангрон кивнул:

— Придут еще, — он резким движением сорвал серебряное кружево с головы нуцерийца, бросил её на землю, тут же позабыв о ней, и намотал все еще кровоточащие

нейронные имплантаты на кулак. — Нам нужно немедленно возвращаться. Они знают, что мы здесь.

* * *

Вернувшись в пещеру, Ангрон осмотрел остатки своего отряда. Из нескольких сотен гладиаторов, которых он освободил из ям, в живых осталось всего пятьдесят шесть. Ангрон помнил имена каждого из них, их лица и победы. Он помнил, как сражался вместе с ними и против них, свивая новые завитки веревки вместе с ними и никогда не злорадствуя, когда они окрашивали свои верёвки черным. Сам он вил свою верёвку только красным.

Мертвые братья и сестры лежали в глубине пещеры. Их оружие и одежду сняли и разделили между выжившими, чтобы те могли спастись от леденящего холода. В этом не было ни бездушного прагматизма, ни пренебрежения к павшим товарищам. Все до единого понимали: больше всего их товарищи хотели бы, чтобы живые могли продолжать убивать своих бывших хозяев.

Ангрон осмотрел свою армию, своих бойцов. Он заглянул им в глаза и увидел все еще тлеющие там решимость и готовность продолжать — несмотря на обескровившую их борьбу и гору, которая морила их голодом. Как хотел он дать им еще больше сражений! Он обеспечит их едой, которая придаст сил их телам.

Ангрон нашел свежий шрам на своей ладони и провел по нему лезвием. Он с силой вдавливал лезвие в плоть, пока не убедился, что рана достаточно глубокая. Если прорезать недостаточно глубоко, то кровь свернется раньше, чем успеет насытиться каждый из воинов.

Впервые они прибегли к его крови восемь дней назад, когда кончились последние запасы пищи. Здесь, среди горных вершин, было совсем нечего есть, и поэтому предводитель делал все возможное, чтобы сохранить жизнь своей семье. Многие не могли принять его дар, потому что кровь, что текла в жилах гиганта, не походила на их собственную и была более мощной, более наполненной жизнью. Те, кто смогли её переварить, старались не потерять ни капли и увеличить общее количество пищи, смешивая драгоценную кровь со снегом или даже со своей собственной.

Ангрон не ел с тех самых пор, когда восставшие уничтожили Хоззин. В течение долгих недель, что они провели в горах — совершая набеги, уничтожая силы нуцерийцев и неизбежно отступая к вершинам и утесам, — любая пища, которую они находили, уходила его братьям и сестрам. Все они знали, что Ангрон отличается от них — это всегда было ясно, хотя никто не мог объяснить почему.

Когда последний из воинов напился крови, они расселись вокруг предводителя, прижимаясь друг к другу в стремлении согреться. Ангрон сжал кулак, ощущая, как кровь сворачивается, а плоть вновь зарастает. Все бойцы знали, что их ждёт впереди, но в глазах не читалось ни толики страха. Они были настоящими гладиаторами: борьба и смерть — вот и всё, что они когда-либо знали. Теперь же, сражаясь с нуцерийцами, бывшие рабы убивали ради чего-то важного. Чего-то такого, за что стоит бороться и за что стоит умереть.

— Теперь это только вопрос времени, — наконец произнес Ангрон, бросая на пол пещеры серебряное кружево, снятое с мертвого гвардейца. — Вскоре они найдут труп своего мертвого разведчика...

— Хоть и безголового, — ухмыльнулся Джохура. Он взглянул на Клестер, и та громыхнула цепью своего визжащего копы с насаженной на него головой нуцерийца. Гладиаторы дружно рассмеялись, и этот радостный звук эхом отразился от стен пещеры.

Ангрон усмехнулся: он знал, что веселье согревает тело лучше, чем что-либо другое.

— Они найдут его, после чего у них уйдёт совсем немного времени на то, чтобы отыскать нас в утесах, — продолжил он, когда все стихли.

— Ты специально оставил его там, чтобы они нашли тело, — предположил Кромах, и пальцы его заплясали на рукоятке глефы. — Ты хотел, чтобы они нас нашли.

— Не имеет значения, чего хочет каждый из нас, — ответил Ангрон, жестом указывая на всех обитателей пещеры. — Взгляните вокруг. Мы становимся слабее с каждым днем. Скоро эта гора высосет все силы из наших рук и мы не сможем держать клинки. Если мы и умрем, то пусть это произойдет не из-за этой горы. Мы падём свободными, сражаясь вместе, как братья и сестры, и заберем с собой в ад как можно больше этих тонкокожих ублюдков, Всадников.

Все они помнили последнюю ночь в яме, перед тем как Ангрон сорвал ворота с петель и поднял мятеж рабов в Нуцерии. Бывшие гладиаторы не смогли бы забыть тот день, когда поклялись друг другу жизнью, сбросили цепи и восстали — славный бунт против тирании Высоких Всадников! Никто не думал о победе, о том, как потом править миром, — их толкала вперед только решимость сражаться. Главное было заставить страдать нуцерийцев, прежде чем последний из рабов умрет.

— А теперь спите, — сказал Ангрон, вставая и направляясь к выходу из пещеры. — И пусть в ваших снах Высокие Всадники молят вас о пощаде — но милосердия они не дождутся. Я разбужу вас, когда они будут уже близко.

Бойцы снова сбились в кучу, обмениваясь шутками и раздражаясь беззлобной бранью в адрес братьев, которые пробирались к центру.

Ангрон уселся у входа в пещеру и стал смотреть сквозь завесу кружащегося снега на едва видимые вдалеке фигурки Высоких Всадников, которые с каждой минутой приближались к утесам. Отряд ждала последняя битва.

— Тебе стоит отдохнуть, — произнес Ангрон, услышав за спиной шаги и тихий звон цепи.

— Я выплюсь, когда умру, — Джохура одарил Ангрона своей обычной кривой ухмылкой. — Завтра.

Предводитель рабов усмехнулся в ответ и жестом пригласил брата сесть рядом с ним. Ангрон иногда забывал, что Джохура был ещё почти ребенком — ему едва исполнилось пятнадцать лет. Горячий песок быстро превращал мальчиков в мужчин, если вообще позволял им взростеть.

— Нигде еще воздух не был так хорош, как здесь, наверху, — произнес Джохура. Он поднял серебряное кружево мертвого гвардейца с того места, где его бросил Ангрон, и пропустил тонкие пряди между пальцами.

— Это потому, что ты свободен, — ответил ему Ангрон. — Мир прекрасен... арргх, — прорычал он, отбиваясь от внезапной и пронзительной волны боли от Гвоздей, — прекрасен, когда ты смотришь на него без цепей.

— А вот эти цепи я, пожалуй, придержу, — Джохура продел свою цепь в дыру в кружеве и разорвал ею нервные имплантаты. — Мне нужно показать нашим бывшим хозяевам все новые трюки, которые я успел разучить и теперь могу с ними проделать.

Ангрон улыбнулся, но от нового укола Гвоздей Мясника его губы дернулись, исказив лицо в безобразной ухмылке. Некоторое время они сидели молча, глядя, как кружится и сверкает в воздухе снег и наслаждаясь тем, о чем оба так мечтали всю жизнь — свободой.

— Мы ведь заставим их страдать? — Джохура поднял глаза на Ангрона. Впервые за долгое время юноша выглядел так, как и подобает его возрасту. — До того, как все закончится?

— Мой мальчик, мы уже сделали это, — ответил Ангрон. — Мы Пожиратели Городов, и мы пожрали их немало. Ты и я, мы оба заставили их скрутить черную прядь, Джохура, и что бы ни случилось, у них навсегда останется эта черная скрутка. Верховные Всадники никогда не забудут того, что мы сделали с ними. Мы заставили их заплатить за все, что они сотворили с нами.

Ангрон опустил глаза и заметил, что Джохура привалился к нему, наконец-то поддавшись изнеможению, которое уже давно поселилось внутри каждого. Предводитель гладиаторов снял со своих плеч тряпье и накинул его на юношу. Гвозди, как всегда, наказали Ангрона за то, что он позволил к себе прикоснуться, но он оттолкнул боль. Проклятые имплантаты украли у него так много, но Ангрон не позволит им отнять у него братство. Пока нет.

* * *

Утро выдалось ясное, небо было свело-серого света, как сталь, а землю покрывал чистый, слепящий снег. Ангрон стоял во главе своей маленькой армии, словно анкер в стене щитов, и наблюдал за приближением врага.

Когда войска Высоких Всадников собрались, он услышал на горных склонах низкий гул. Земля, словно трясина из серебряных лоз, шевелилась от тысяч гвардейцев родовой стражи, марширующих в строю, чтобы затем хлесткой волной взмыть вверх по утесам. С ними были наемники, частные армии и ополченцы — все силы, которые нуцерийцы смогли собрать, купить или заставить сражаться от своего имени.

«Пусть идут», — подумал про себя Ангрон. Кровь наемников так же хорошо лилась под его топором. Сегодня он собирался окрасить гору в кроваво-красный цвет.

Когда армии врага наконец приблизились к их позиции, вместе с ними накатилась волна ужасного шума. Как только это шум достиг ушей Ангрона, кровь гиганта вскипела, а гвозди вонзились в плоть. Это был самый ужасный звук — звук, который он слышал перед каждой своей схваткой на горячих песках. Звук, издаваемый хозяевами, которые смотрели, как страдают и умирают его братья.

Музыка.

— Посмотрите-ка на это, — Клестер одарила Ангрона волчьей улыбкой, когда в небе над ними появилась группка серых точек. — Высокие Всадники наконец-то соизволили показаться лично.

Ни один из нуцерийских аристократов был не похож на остальных, и каждый был по-своему памятником вульгарной роскоши. Некоторые летели на огромных серебряных крыльях, других поднимали в воздух внушительных размеров перчатки, третьи возлежали на богато украшенных кушетках. Их лица скрывали маски животных — лошадей, львов и крупных хищных птиц, — искусно обработанные, вычурно-безвкусные и инкрустированные таким количеством драгоценных камней, что на их стоимость можно было прокормить целое королевство.

Ангрон усмехнулся. Он видел перед собой совершенное проявление того, что всегда глубоко презирал. Уже одно присутствие Высоких Всадников говорило о том, что ему и его Пожирателям Городов удалось их достаточно сильно потрепать. Здесь, на утесах, они прольют еще больше крови. И, несмотря на все технологии и превосходящую численность прежних хозяев, Ангрон видел их слабость. Личное тщеславие заставило их позабыть о сплоченности: в них не было ни капли единства, присущего гладиаторам. И в глубине души Ангрон знал, что Всадникам не хватит мужества для настоящего боя. Как только всё вокруг окрасится кровью, а их самих вместе с рабами повалят в грязь, начнется настоящая бойня.

Ангрон чувствовал приближающуюся судьбу. Он знал, что это его последняя битва, но сейчас, когда он стоял рядом со своей семьёй и лицом к лицу с истинным врагом, его переполняла гордость. Они пролили достаточно крови верных Всадникам людей, чтобы тем пришлось самим спуститься со своих позолоченных гнезд на вершинах шпилей. Рабы заставили хозяев увидеть их. И Ангрон поклялся, что он прольет гораздо больше крови, прежде чем умрет.

— Дорогой Ангрон, как же нам тебя не хватало! — произнес главный Всадник, болезненно тучный человек, едва удерживаемый в воздухе массивными антигравитационными талариями и перчатками, украшенными позолоченными херувимами. Ангрон сразу же узнал этот голос — тот самый голос, что жужжал в черепах, голос арены, который злорадствовал и насмехался над рабами в их предсмертные минуты, чтобы разжечь жажду крови в зрителях.

— Возвращайся на арену, — продолжал нуцериец, зависая в воздухе над Ангроном вместе с остальными аристократами. — Без тебя все стало таким скучным. Давайте бросайте свои палки и камни, и мы все простим. Толпа хочет вернуть своего чемпиона, Ангрон! Неужели ты не сделаешь им одолжение и не прекратишь эту мелкую истерику?

— Мне скучно, — Джохура пошевелился, слегка звякнув цепями. — А почему они не нападают?

И тут Ангрона настигло тошнотворное осознание: он понял, почему бывшие хозяева до последнего пытаются заманить его обратно в ямы. Почему всадники не уничтожат их здесь, на утесах, не подавят восстание и не покончат со всем этим.

Они *нуждались* в нем. Власть Верховных Всадников ослабевала, и им нужно было успокоить людей. Без кровопролития на арене, которое могло бы отвлечь народ, простые люди начинали смотреть на свою жизнь, на позолоченные башни, которые возвышались над ними, и задаваться вопросом: почему у них всего так мало, а их повелители купаются в роскоши?

— Ты более никогда не закуёшь нас в цепи, бумажная шкура! — проревел Ангрон. Его братья и сестры вторили ему, бряцая оружием и колотя себя кулаками в грудь. Ангрон указал топором на приближающиеся войска. — Бойтесь сами спуститься и сразиться с нами?

— Хватит, с нас довольно, — крикнул глашатай арены, и воина, чьи нервы были уже на пределе, передёрнуло от его певучего акцента. — Ты и так вызвал настоящий переполох, Ангрон. Ты уже вдоволь повеселился, а теперь возвращайся на арену!

Сплюнув на землю, Ангрон крутанул топор и направил его лезвием в сторону Высоких Всадников.

— Так спустись и заberi меня. Конечно, если ты уверен, что сможешь.

На мгновение аристократы заколебались. Они сбились в кучу, оживлённо совещаясь, крича и шипя друг на друга, прежде чем, наконец, рассыпаться над гладиаторами.

— Как скажешь, — произнёс оратор со вздохом. — Мы этого не хотели. Запомни это.

В первый же миг погибла почти половина стены из щитов. Оружие, которым воспользовались Высокие Всадники, было столь же разнообразно, как и их снаряжение. Звуковые пушки превращали плоть и кости в туман. Микроволновые бластеры кипятили кровь, а облака моноволоконных серебряных лоз впивались в тела, разрывая органы и перемалывая кости в порошок. Армия Нуцерии перестраивалась и тоже приближалась к бойне, чтобы внести свою лепту в кровопролитие.

Воцарился хаос. Ангрон увидел, как упала обжигающая глефа Кромаха, когда в того попал луч преобразователя и вывернул его наизнанку. Клестер взвыла в унисон со своим копьём и клинками, а затем срубила головы сразу двух Высоких Всадников, прежде чем Ангрон потерял ее из виду.

Предводитель гладиаторов заметил летающего над схваткой глашатая. Он прыгнул выше, чем мог ожидать кто-либо из его высокомерных хозяев, и нуцериец взвыл, когда Ангрон схватил его за свисающую ногу.

— Что ты делаешь?! — пронзительно завопил глашатай, и его неизменно сладкий голос задрожал от страха. — Отпусти!

Ангрон подчинился. Он рванул вниз и ещё до того, как его ноги коснулись земли, услышал крики, сопровождаемые звуками разрываемой жирной плоти.

Гладиатор запрокинул голову, наслаждаясь потоком крови и внутренностей, что обрушились сверху. Он отбросил ноги аристократа в сторону и стал наблюдать, как торс врага медленно поднимается в небо на антигравитационных перчатках, словно воздушный шар, потерявший привязь.

Очередной нуцериец направился в его сторону на своей позолоченной колеснице, и Ангрон бросился вперед, выставив перед собой кулак.

* * *

Его удар так и не достиг цели.

Время застыло. Ангрон видел, как взметнулась вверх кровь умирающего гвардейца, расплылась алой туманностью. Хотя его тело замерло в неподвижности, Ангрон обнаружил, что разум и чувства все еще подконтрольны ему, и они немедленно устремились к чему-то, что явилось перед ним в ослепительной сфере света.

Что они с тобой сделали?

Голос существа раздался в мозгу Ангрона, словно раскат грома, и будто сковал его льдом. Гвозди вцепились в его мозг, наказывая за вторжение и требуя, чтобы он убил говорящего, а затем и всех остальных.

— Кто... аррргх... — прохрипел Ангрон, обнаружив, что все еще может говорить. — Кто ты такой...

Я Император, и ты пойдешь со мной.

— И куда же?

Далеко за пределы этого места. К звездам.

— Мои братья, — выдохнул Ангрон. — Мои сестры. Я их не брошу.

Они и эта планета более не твоя забота.

— Нет! Чего бы ты от меня не хотел, я отказываюсь! Мое место здесь, рядом с моими родичами. Я сражаюсь здесь. Я умру здесь.

Голос на мгновение смолк. Ангрон почти ощутил сожаление в раскатах грома, которые эхом отдались в его голове, когда свет заговорил снова.

Тогда мне очень жаль.

* * *

Последовала вспышка света, возникло мучительное ощущение разрыва. Ангрон с глухим стуком упал, но поверхность под ним уже не покрывал снег. Его колени разбила пол из блестящей мозаичной плитки. Запах крови исчез, и ему на смену пришел застоявшийся запах озона. Глаза Ангрона защищало от яркого золотого света — вовсе не слабого солнца Нуцерии, а созвездия парящих шаров, озарявших весь огромный сводчатый зал. Самый большой из них висел в центре зала — сияющая сфера, похожая на плененную звезду. Ангрон узнал в ней источник голоса.

Стены покрывали бесценные произведения искусства, которые перемежались рваными знаменами и бесчисленными образцами экзотического оружия. Пол под Ангроном сотрясся, а в ушах стоял электрический гул механизмов. Бывший гладиатор попытался сориентироваться и тут же понял, что в зале он не один.

Воин в золотом доспехе, который стоял ближе всех, сделал шаг в его сторону, и Ангрон убил его за это. Спустя всего мгновение он бросил разорванный пополам от шеи до паха труп на землю. Остальные двинулись вперед, направив алебарды, содрогающиеся от яростных разрядов молний, в его горло. Ангрон моментально нашел с дюжину слабых мест в каждом из них, определил уязвимые точки в доспехах, изъяны в недостаточно собранных позах. Он будет окрашивать эту комнату в красный, пока кровь не скроет все золото.

Хватит.

Ангрон вскрикнул от нового вторжения в свое сознание. Гвозди немедленно восстали и сделали единственное, на что были способны: бывший гладиатор упал на колени и его желудок судорожно сжался, извергая на пол поток кровавой рвоты.

Обжигающий свет, который сначала показался плененным солнцем, на самом деле оказался существом. Ангрон увидел силуэт человека или, по крайней мере, чего-то в форме человека в самом центре. Источник голоса, пронзающего его череп.

Золотые воины мгновенно попятились и расступились, позволяя Императору подойти ближе. Ангрон зарычал, потому что сама близость этого существа заставляла его Гвозди сильнее вгрызаться в плоть.

— Где я нахожусь? — умудрился он прошептать сквозь стиснутые зубы.

Ты находишься на моем корабле, вдали от планеты.

— Мои братья, — сердито выговорил Ангрон. — Мои сестры. Где...

То, что с тобой сотворили, достойно сожаления. То, что произошло внизу, достойно сожаления. Но у нас нет на это времени. Ты предназначен для гораздо большего, для более грандиозных дел, чем простое восстание рабов.

Высокомерие голоса, его снисходительная фамильярность доводили ярость Ангрона до иступления.

— Если ты такой могущественный, то почему не поможешь нам? Почему ты не спустишься из своего золотого дворца в грязь, где ведётся настоящая борьба? Вместо этого ты вырываешь меня из моей судьбы — из моего единственного шанса когда-либо обрести спокойствие и пасть свободным человеком рядом с теми, с кем я скрутил веревку и сбросил оковы!

Потому что я Император, и мои глаза устремлены на целую Галактику, на все ее звезды и миры, а не на войны или тиранов какого-то одного из них. Туда же будут смотреть и твои глаза, когда ты примешь мантию, носить которую ты был рождён — мантию примарха. Ты возглавишь свой легион и объединишь звезды под моим знаменем.

При этих словах внутри Ангрона поднялось что-то холодное и ужасающее. Это было то же самое тошнотворное осознание, которое он испытал на утесе. Вот почему этот Император, это пылающее, непостижимое существо лишило его благородной смерти. Вот почему он не позволил Ангрону пасть вместе с его братьями и сестрами и выполнить свою клятву.

Ему нужен был Ангрон. Точно так же, как и Высоким Всадникам. Кровавый спорт на горячих песках, завоевание Галактики — это было одно и то же. Два разных хозяина, но в конце концов Ангрон остался рабом.

— Я умер там, внизу, — с горечью произнес он, привлекая к себе пылающий взор сияющего Императора. — С моими замерзшими, голодными и свободными братьями и

сестрами. Мне без разницы, Император ты или нет, творец или нет. Все, что ты когда-либо получишь от меня, — это оболочка, призрак Ангрона, который так и не покинул Нуцерию.

Император посмотрел на него, бесстрастный и отчужденный. Ангрон ощутил, как по его коже поползли статические разряды, а в нос ударил запах озона.

Тогда призрака будет вполне достаточно.

* * *

Ангрона вновь поглотила буря света. На него обрушился звуковой удар ужасающей силы, заставляя скручиваться тело и все пространство вокруг. Мгновения мучительного ужаса, в течение которых он увидел мириарды искаженных лиц, лишенных плоти и глядящих прямо на него с неутолимым голодом. А затем он оказался в другом месте.

Теперь он стоял в центре большого зала. От пылающих жаровен и канделябров распространялся мерцающий свет, купая каменные стены в тепле. Как и в прошлый раз, под ногами Ангрона гудел каменный пол, и он слышал все ту же бесконечную лязгающую и грохочущую какофонию вокруг себя, словно бы оказался в брюхе огромного механического зверя.

Со стен свисали знамена кремового и темно-синего цветов, а в их центре красовалось гордое изображение алого пса. Рядом со знамёнами висели свитки пергамента, испещрённые строчками надписей на языке, который был чужд Ангрону, однако с каждым мгновением записи становились все понятнее.

Глубокий глухой удар привлек внимание Ангрона к паре огромных двойных дверей в конце зала, к которым вели широкие каменные ступени. Двери отворились.

Одинокая фигура спустилась вниз. Он пришел один, хотя Ангрон видел еще много таких же, как он, столпившихся за порогом. Фигура превосходила в размерах человека, хотя по сравнению с ним всё равно казалась карликом. У прибывшего была осанка воина-вождя, а покрытая шрамами плоть говорила о множествах сражений и реках пролитой крови. Но во имя кого..?

— Милорд, — произнес мужчина голосом глубоким и низким, но при этом полным робкого благоговения. — Сир, мой примарх, мы так долго ждали этого дня. Ваш легион уже давно готов к тому часу, когда вы поведете нас.

Примарх. Легион. Опять эти слова. Ангрон улавливал смысл слов говорившего, хотя и не понимал, как именно. Он стал внимательно разглядывать стоявшего перед ним человека, совершенно не вслушиваясь в смысл слов, слетавших с его губ. На плечах и шее воина блестели символы — золотые молнии. Знак Императора — вот и все, что нужно было знать Ангрону.

Ангрон взревел. Грохот сердца наконец заглушил машинный шум и гул под ногами. Застоявшийся запах озона вдруг исчез, сменившись резким привкусом мокрой меди от крови, брызнувшей в лицо.

Человек — он так и не узнал его имени — разорвался в руках Ангрона. Отбросив окровавленные куски тела в сторону, он снова зарычал, отвернувшись от света.

Наверху, по ту сторону двери, стояло еще много воинов. Пусть они приходят. Воины. Легионы. Он заполнит этот зал телами, прежде чем они утащат его в ад. Ангрон больше не будет рабом. Неважно, кто провозгласит себя его господином — нуцериец или этот Император и принадлежащие ему лакеи с бумажной кожей. Больше никогда. Ангрон выполнит свою клятву перед родичами, которых у него украли. До того дня, когда он испустит последний вздох и присоединится к ним в объятиях забвения, Ангрон будет свободен.